

NORTIA-VI

Немировский Александр Иосифович
(8 ноября 1919 г. – 8 февраля 2007 г.)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

НОРЦИЯ

ВЫПУСК VI

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2009

УДК 904

ББК 63.3(0)3

H838

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук В. А. Гончаров (ответственный секретарь), доктор исторических наук Л. М. Коротких, доктор исторических наук, профессор А. П. Медведев (ответственный редактор), доктор исторических наук Н. П. Писаревский, доктор исторических наук, профессор Е. А. Молев, доктор исторических наук, профессор В. И. Уkolova

Нортия : межвузовский сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения А. И. Немировского. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. – Вып. 6. – 221 с. : ил.

ISBN 978-5-9273-1596-3

Представляемый вниманию читателей очередной выпуск «Нортии» посвящен 90-летию со дня рождения основателя воронежской школы антиковедения профессора ВГУ Александра Иосифовича Немировского. Он освещает те проблемы античной истории и классической археологии, которыми более полувека занимался А. И. Немировский и которые сейчас продолжают изучать его ученики и коллеги. Ряд статей посвящен древнейшей истории Рима и Западного Средиземноморья, а также позднеантичной эпохе. Видное место занимают работы по истории и археологии античных городов Северного Причерноморья, а также его «варварской» периферии.

Авторами сборника являются как видные специалисты в области антиковедения, так и молодые ученые.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов университетов, специалистов по античной истории и классической археологии, всех интересующихся классической древностью.

УДК 904

ББК 63.3(0)3

Editorial board:

Dr. V. A. Goncharov (executive secretary), Dr. L. M. Korotkikh, Prof. A. P. Medvedev (editor-in-Chief), Dr. N. P. Pisarevsky, Prof. E. A. Molev, Prof. V. I. Ukolova

Nortia : Interuniversity scientific journal dedicated to the 90th anniversary of A. I. Nemirovsky. Voronezh : Voronezh university Publishing&Printing Center, 2009. Issue 6. 221 p. : Illustrations.

The present regular issue of 'Nortia' is dedicated to the 90th anniversary of professor A. I. Nemirovsky, a founder of the Voronezh school of antique studies. It throws light on the problems of ancient history and classical archaeology, which had been studied by A. I. Nemirovsky for more than half a century and which are still explored by his disciples and colleagues. Several articles are traditionally dedicated to the early history of Rome and Western Mediterranean. Some papers reflect new approaches to understanding of ideology in ancient and Early Byzantine society as well as to the world-view of early Christians. A prominent place in the journal is occupied by publications concerned with history and archaeology of ancient cities of Northern Black Sea region and their 'barbarian' periphery.

The authors of papers are both famous specialists in antique studies and junior scholars.

The journal is meant for students and lecturers of historical departments of universities, for specialists in ancient history and classical archaeology, and for everyone who is interested in classical antiquity.

В оформлении обложки использована фотография женской терракотовой головки из раскопок Восточного некрополя в 2005 г.

© Воронежский государственный университет, 2009

© Издательско-полиграфический центр

Воронежского государственного университета, 2009

ISBN 978-5-9273-1596-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Савчук В. С. (Ростов-на-Дону)	
От истории этрусков к поэзии Гессе и Мандельштама:	
Прикосновение к миру Александра Немировского	7
Суриков И. Е. (Москва)	
Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд)	21
Козловская В. И. (Москва)	
Восточные ионийцы в районе Мессинского пролива: Занкла – от фуриона к полису	39
Дементьева В. В. (Ярославль)	
Квесторы Римской республики в Италии	51
Гончаров В. А. (Воронеж)	
Архаические черты в образе Пика	61
Коротких Л. М. (Воронеж)	
У истоков испанского антиковедения. Хосе Рамон Мелида Алинари (1856–1933)	65
Колесникова П. В. (Воронеж)	
Борьба Карфагена за Пиренейский полуостров	73
Межерицкий Я. Ю. (Кельн – Калуга)	
Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н. э.	80
Писаревский Н. П. (Воронеж)	
Морские трассы на Понте Эвксинском во времена Геродота	112
Буйских А. В. (Киев), Монахов С. Ю. (Саратов)	
Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. из Ольвии.....	125
Медведев А. П. (Воронеж)	
Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.)	146
Молев Е. А. (Нижний Новгород)	
Митридат VI Евпатор и его потомки на Боспоре.....	171
Уколова В. И. (Москва)	
Интеллектуальная традиция на рубеже Античности и Средневековья	180
Зиньковская И. В. (Воронеж)	
О <i>regnum</i> Эрманариха	197
Болгов Н. Н., Сбитнева Ю. Н. (Белгород)	
Ранневизантийский феномен святости раскаявшихся блудниц	208
Abstracts.....	
Список сокращений.....	

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI В. ДО Н. Э. ИЗ ОЛЬВИИ

В 2002 г., в процессе планомерных работ по исследованию юго-восточной части цитадели Ольвии первых веков н. э., проводимых Ольвиийской археологической экспедицией ИА НАН Украины, было обнаружено углубление № 1174, выделяющееся на фоне остальных многочисленных строительных остатков как своим положением в стратиграфической колонке памятника, так и керамическими материалами из заполнения¹. Углубление было раскрыто в нескольких метрах от края верхней террасы, ниже уровней пола помещения конца I – начала II в. н. э., на уровне предварительно отнивированного материкового грунта. Такая стратиграфическая ситуация типична для строительной практики Ольвии в первые века н. э., и особенно для ее юго-восточной части, где интенсивное строительство последовательно уничтожало все более ранние культурные напластования и строительные остатки. В этой части Ольвии, где толщина культурного слоя достигает 5 м и более на уровне одной террасы, удалось зафиксировать некоторые интересные особенности формирования культурных отложений и керамических комплексов, без учета которых современное представление об этом многослойном археологическом памятнике не может уже в полной мере считаться полным². Комплекс углубления № 1174, о котором пойдет речь ниже, – один из них.

Углубление имело округлую в плане форму размерами 1,26 (С–Ю) × 1,1 (З–В) м, глубину – 0,92 м. Оно было небрежно вырыто в материковом лессовом грунте, в результате чего имело неровные стенки (максимальная длина по линии С–Ю на глубине до 0,35 м от верха составила 1,85 м) и неровное дно, чем отличалось от обычных мусорных или зерновых ям, имевших, как правило, ровные стенки и плоское дно. Углубление было заполнено темным рыхлым серозолистным грунтом, с большим количеством углей и раковин мидий, содержало также линзы светло-желтой материковой глины. Сверху, в центральной части, углубление было перекрыто плотной сырцовой трамбовкой, толщиной до 0,3 м, устроенной, скорее всего, во избежание просадки мягкого зольного грунта, а по краям затрамбовано таким же зольным грунтом.

Среди керамических материалов углубления около 90% составляли фрагменты тарных амфор – оно было буквально забито крупными фрагментами амфор так, что грунтовая засыпь находилась в основном в его верхней части. Возникшее еще в процессе раскопок подозрение в том, что это углубление было устроено специально для единовременного выброса как ненужного мусора предварительно разбитых крупных сосудов, подтвердилось позднее в результате анализа керамических находок.

Превалирующая часть находок представляет собой компактный в хронологическом отношении керамический комплекс, образование которого, однако, оказалось несинхронным времени появления углубления. Среди материалов позднеархаического времени было обнаружено также и не-

сколько значительно более поздних фрагментов – отогнутый наружу край чернолакового аттического килика последней четверти IV – рубежа IV–III вв. до н. э.³, фрагменты буролаковых сосудов эллинистического времени, а также фрагменты сосудов первых веков н. э. Это – несколько рифленых стенок амфор, а также фрагментов краснолаковой керамики I–II вв. н. э.

Поэтому ничто не противоречит предположению о том, что при строительстве дома в конце I – начале II в. н. э., которому и принадлежало помещение, перекрывшее углубление, было обнаружено заполнение позднеархаического времени, откуда и были вынуты целые амфоры, разбитые и затем закопанные в специально устроенном небольшом углублении. О реальности такого или близкого предположения свидетельствует то, что менее чем в 1 м к юго-востоку от углубления, о котором идет речь, был обнаружен сегмент, скорее всего, круглой в плане полуземлянки, затрамбованный плотным лесовым грунтом, без каких-либо керамических или иных включений. Следует подчеркнуть, что прослеженная при раскопках стратиграфическая ситуация⁴, при которой ранние углубления (причем, как правило, это касается не ям, а полуземлянок) имели вторичные, преднамеренно перемещенные заполнения, является типичной для южной части Ольвии, где жизнь продолжалась вплоть до позднеантичного времени.

Керамический комплекс углубления, за исключением упомянутых нескольких более поздних фрагментов, представляет значительный интерес, прежде всего, компактным набором амфор, среди которых удалось собрать ряд целых форм⁵.

Амфорная коллекция комплекса включает несколько серий тары разных центров производства. Самая крупная из них – хиосская, причем все сосуды принадлежат одному типу II амфор с воронковидным горлом. Два сосуда сохранились полностью, от двух других – соответственно верхняя и нижняя части (рис. 1, 1–4). Найдено также два целых горла, несколько крупных фрагментов венцов, в том числе с верхним прилепом ручки (рис. 2, 1–3), а также крупные фрагменты тулов и две ножки (рис. 2, 4–6). Все эти сосуды морфологически совершенно едины, они имеют следующие характеристики: туло яйцевидной формы с высокими пологими плечами и четко выраженным переходом к воронковидному горлу; венцы окрашены бурым лаком, по плечу идут сдвоенные тонкие полосы лака, в нижней части тулов – также сдвоенные или широкие одиночные полосы лака, широкая полоса лака идет вертикально по ручкам и переходит на тулов. В одном случае горизонтальными полосами лака украшено все горло (рис. 1, 4). Ножки невысокие, слегка расширяются вниз, снизу имеют широкую и глубокую полость.

Нет сомнений, что данные формы относятся к «раннему» варианту II-А хиосской тары с воронковидным горлом по классификации одного из авторов⁶ (или типу «Ламбрини А1» по П. Дюпону). Они встречаются достаточно часто как в Средиземноморье⁷, так и в Причерноморье⁸. От более позднего варианта они отличаются относительно высоким горлом, имеющим четкую границу при переходе к плечу. Самые известные находки происходят из комплекса ольвийской землянки 1975 года⁹ и из погребений № 9 и № 29 (1909 года) некрополя Ольвии¹⁰. Для перекрестной датировки очень важно, что в первом комплексе присутствует еще клазоменская амфора¹¹, а

в погребении № 29 присутствует ионийская керамика¹², в частности, чаши с полосами лака по внешней стенке и пурпуром по внутренней, являющиеся поздними вариантами чаш с точечными розеттами. Одна из них имеет плоский кольцевой поддон, а другая – коническую ножку. И та, и другая формы не выходят за пределы третьей четверти VI в. до н. э.¹³, как, впрочем, и упомянутые комплексы в целом. Остается добавить, что размерные характеристики целых хиосских амфор из углубления № 1174 позволяют предполагать для них полностандартную меру емкости в 10 хиосских хоев (28 л.).

Вторая группа амфор из углубления № 1174 представлена только фрагментами: двумя верхними частями амфор, серией венцов и одной ножкой (рис. 3, 1–4). Судя по ним, перед нами либо одна из ранних серий так называемых «протофасосских» или «на сложнопрофилированной ножке» амфор, или же предполагаемые «милетские амфоры стеблевского типа».

Визуальные признаки глины во всех случаях близки – красно-желтого или светло-красного цвета, с редкими включениями известия и мелкой слюды. Судя по имеющимся фрагментам для тары этой группы характерны следующие морфологические признаки: невысокое воронковидное расширяющееся вверх горло с массивным валикообразным венцом, причем горло отделено от широких покатых плеч четкой гранью в виде слабо выраженного валика. Ручки в сечении уплощенные, широко расставленные. Под венцом в одном случае встречено дипинти в виде колечка бурым лаком. Единственная низкая ножка-поддон конической формы имеет острое ребро в месте наибольшего расширения и резко переходит в оvoidное или яйцевидное тулово.

Сразу отметим, что атрибутика этой группы амфор не столь проста, как представляется. И по глине, и по большей части морфологических признаков они, например, могут относиться к первой или второй серии «протофасосских» амфор¹⁴. Выделенные в свое время В. Грейс и И. Б. Зеест, эти амфорные серии, как установлено П. Дюпоном в результате сравнительного анализа глин, не имеют отношения ни к самосской, ни к милетской таре¹⁵. Вариации морфологии, а также глиняного теста столь значительны, что практически нет сомнения, что они происходят не из одного, а из разных центров производства¹⁶. Поскольку такие амфоры широко встречаются на памятниках Причерноморья, но практически отсутствуют в южной Ионии, напрашивается идея о североэгейском происхождении данных групп керамической тары (Фасос, Аблеры?)¹⁷.

В качестве ближайших аналогий нашим сосудам из известной выборки «протофасосских» амфор двух первых серий могут быть названы беспаспортные амфоры из Одесского археологического музея и музея в Никосии¹⁸, а также горло амфоры из березанского колодца № 5¹⁹ третьей четверти VI века до н. э. С таким же успехом можно провести аналогии с протофасосскими сосудами «второй серии» из ольвийского некрополя (погр. № 38/1909 и погр. 1/1989), которые датируются тем же временем²⁰.

Вместе с тем профилировка единственной ножки (рис. 3, 4) свидетельствует скорее о том, что рассматриваемая группа сосудов принадлежит к так называемому «стеблевскому» типу, который одним из авторов в свое время был предположительно отнесен к продукции Милета²¹. Для него

также характерны относительно невысокое горло с массивным отогнутым наружу венцом, овощное туло и низкая ножка-поддон с острым ребром в месте наибольшего расширения и с резким переходом к тулову. Эпонимный сосуд происходит из комплекса Стеблевского кургана № 12 в Черкасской обл.²² и такой же – из кургана № 9 у с. Куцеволовка²³. Аналогичные амфоры обнаружены в комплексе ольвийской ямы № 9/1989 и в погребении № 120/1902 ольвийского некрополя²⁴. Все эти образцы по синхронным группам иного материала укладываются в рамки от последней четверти VI по первую четверть V века до н. э. Наши же фрагментированные амфоры из углубления 1174 явно имеют более ранние морфологические признаки, в частности, ярко выраженную воронковидную форму горла, больший диаметр туло и др., что позволяет их датировать в пределах третьей – начала последней четверти VI века до н. э.

Третья группа керамической тары из углубления 1174 представлена серией крупных фрагментов красноглиняных лесбосских амфор. Характеристики глины стандартны – красного цвета с мелкими известковыми включениями и крупной слюдой. Всего в комплексе найдены одна верхняя часть, два туло и одна ножка лесбосских амфор (рис. 4, 1–4). Судя по размерным характеристикам присутствуют фрагменты по меньшей мере от четырех сосудов различных стандартных мер. Очевидно, что данные амфоры значительно более поздние, чем известные нам по отдельным находкам в Истрии²⁵, на Березани, Бейкуше и Ягорлыке²⁶ крупные пигоидные лесбосские сосуды второй половины VII – первой половины VI в. до н. э., для которых характерны широкие ножки-поддоны диаметром 4–8 см и угловатый, слегка отогнутый наружу венец с воротничком-уступом шириной до 2–3 см. Сейчас можно уверенно говорить о том, что плоская ножка-поддон исчезает примерно с третьей четверти VI в. до н. э., на смену ей приходит коническая форма ножки, как и в нашем образце из углубления 1174.

Аналогии таким амфорам достаточно многочисленны, прежде всего, ряд крупных фрагментов таких сосудов обнаружен в комплексе березанского колодца № 5 третьей четверти VI века²⁷, целая амфора происходит из упоминавшегося кургана № 9 у с. Куцеволовка²⁸. Известно и несколько отдельных находок, в частности, из Киевского исторического музея (происходят из собрания Б. Н. Ханенко, из моря в районе о. Змеиный, с Березани, из некрополя Нимфея²⁹ и ряд других). Горло у всех сосудов расширяется вниз, туло очень широкое (диаметр 37–40 см). Емкость таких полностандартных амфор обычно превышает 24 литра, что, видимо, предполагает стандартную меру в 8 аттических хоев (22, 40 л), хотя есть и фракционные сосуды. Вместе с тем очевидно, что крупные полностандартные лесбосские амфоры вряд ли выпускались позднее третьей четверти VI столетия.³⁰

Помимо трех рассмотренных групп амфор, каждая из которых представлена многочисленными находками (Хиос, Милет?, Лесбос), в комплексе углубления 1174 встречено еще горло коринфской амфоры (табл. 3, 5), а также стенка так называемой «аттической» амфоры «a la brose» (табл. 4, 5)³¹.

Что касается коринфской амфоры, то нет никаких сомнений, что она относится к типу Коринф А по классификации К. Келер³². На основании многочисленных аналогий из некрополей Черветери, Аквароссы, Селинунта

и др.³³ такие амфоры датируются в пределах второй – третьей четвертей VI столетия до н. э. Сложнее с датировкой фрагментов амфоры «*a la brose*», поскольку присутствует только небольшой фрагмент стенки, но скорее всего по аналогиям из некрополей Черветери, Керамика и из Истрии³⁴ она должна датироваться тем же временем.

Помимо амфор в заполнении углубления было обнаружено небольшое количество фрагментов столовой посуды, а также форм, относимых к категории парадных, туалетных и сосудов специального назначения. Все они в целом поддерживают датировку амфор, подтверждая, таким образом, мысль о том, что основная масса керамических материалов, обнаруженных в углублении № 1174, была изъята из одного закрытого археологического комплекса. Обращает также внимание, что почти все они представлены мелкими фрагментами, что также может косвенно свидетельствовать о том, что основной целью появления углубления было, прежде всего, перемещение ненужных целых амфор, отдельные же небольшие фрагменты столовых и прочих сосудов попали вместе с ними попутно.

Парадная столовая посуда представлена фрагментами ионийского и аттического происхождения. К группе ионийских сосудов относится фрагмент ойнохойи стиля «фикеллура» милетского производства. Несмотря на то, что фрагмент имеет следы горения по поверхности, плотная глина с большим количеством мелких золотистых включений уверенно свидетельствует о его южноионийском происхождении. Сохранилась нижняя часть горла, акцентированного двумя разделительными полосами точечного орнамента, заполнительной розетки в центре и части гирлянды на переходе к плечам (рис. 5, 1). Такой декор обычен в наиболее характерных для керамики этого стиля закрытых формах – ойнохоях и столовых амфорах, особенно относящихся к группе т. н. «Бегущего сатира»³⁵. Небрежная манера прорисовки розетки в виде четырех разновеликих точек, а не аккуратных лепестков, такой же характер проработки точечных поясков и гирлянды позволяет отнести этот фрагмент к позднему времени бытования всей группы, вплоть до конца третьей четверти VI в. до н. э.³⁶

К продукции одного из ионийских центров следует отнести и фрагмент крупного закрытого сосуда с изображением нагнувшей голову птицы с длинным клювом и маленькой головой с круглым глазом, проработанным гравировкой в виде двойного круга (рис. 5, 3). Глина плотная, светлая, розовато-бежевого оттенка, без видимых примесей. Это могло быть изображение или гуся, или журавля. Гусь, наклонивший голову, с открытым или полуоткрытым клювом, известен по изображениям на ойнохоях с о. Родос³⁷. Изображение журавля, наклонившего голову с полуоткрытым клювом и щиплющего за ногу пигмея, имеется на столовой амфоре стиля «фикеллура» с Кипра³⁸. Представляется, что ольвийский фрагмент по стилю ближе родосским сосудам, по крайней мере, судя по глине и технике исполнения, его не следует соотносить с южноионийским производством.

К продукции Клазомен третьей четверти VI в. до н. э. относится небольшой фрагмент закрытого сосуда (столовой амфоры?) с изображением части крыла сирены, сфинкса или, скорее, петуха, выполненный в черно-фигурном стиле с использованием накладных красок – белил и пурпур (рис. 5, 2). Глина характерна для клазоменской керамики – плотная, палево-

розовая, без видимых примесей. Скорее всего, этот фрагмент принадлежит классу Энман, выделенным преимущественно на материалах Северного Причерноморья³⁹. Массовый импорт судов этого класса в причерноморские центры, преимущественно столовых амфор, фиксируется значительным количеством находок от Истрии до Тамани⁴⁰. Аналогичный характер декора характерен и для горл амфор класса Урла⁴¹, которые были украшены крупными пальметтами с идентичной прорисовкой их сердцевин и расходящимися лепестков, однако отсутствие видимой курватуры на ольвийском черепке не дает возможности надежно соотносить его с сосудами именно этого класса. Небольшие размеры фрагмента не позволяют также уверенно говорить, что он принадлежал именно амфоре, так как из некрополя Ольвии происходит также и крупный аск того же класса с изображением крыльев, выполненных в идентичной живописной манере⁴².

К категории простой столовой посуды относятся фрагменты так называемой ионийской полосатой керамики, центры производства которой до сих пор не имеют точной локализации. Это – фрагмент стенки кувшина с петлевидным орнаментом, выполненным красной лакообразной краской у основания горла, полосами разной ширины в широкой части туловища и, судя по глине, его ручки с узкими поперечными полосками, выполненными той же краской (рис. 5, 4). Глина красно-оранжевая, неплотная, с белыми известковыми включениями и редкими крупными золотистыми частицами. Найдки закрытых сосудов с таким типом декора по горлу и плечам обычны в комплексах второй половины VI – начала V в. до н. э. и имеют широкий диапазон бытования практически в пределах всего Средиземноморского⁴³ и Причерноморского⁴⁴ регионов. От более поздних экземпляров публикуемый фрагмент отличается аккуратностью прорисовки небольших петель, что обычно не наблюдается уже к концу VI в. до н. э.⁴⁵

К обширной группе ионийского импорта, так называемой ионийской полосатой керамике, можно отнести еще несколько фрагментов. Это горизонтальная ручка, скорее всего, гидрии (рис. 5, 6), окрашенная красной краской по внешней стороне и с полосами красной краски по стенке у нижнего прилепа. Возможно, эти фрагменты близки сосудам, происходящим с о. Самос или найденному в Аканфе⁴⁶. Ионийской полосатой гидрии, возможно, принадлежит и ножка-подставка (рис. 5, 5), имеющая в основании широкий кольцевой поддон. Как принадлежащие гидриям атрибутированы близкие по форме и размерам ножки-подставки, происходящие из раскопок Священной дороги в Диодимах⁴⁷.

Аттическая парадная столовая посуда представлена четырьмя небольшими фрагментами. Три из них принадлежат киликам, два из которых относятся к группе мелкофигурных киликов. Фрагмент стенки стиля Band cup (рис. 6, 4) принадлежит широко распространенному типу киликов, фриз которых содержал изображение пантеры или сирены со стоящей напротив пасущейся ланью⁴⁸. Фрагмент венчика Band cup (рис. 6, 5) сохранил часть изображения головы лошади, возможно, часть многофигурной композиции со всадниками или колесницами, также характерным сюжетом у разных мелкофигурных вазописцев⁴⁹. Незначительные размеры обоих фрагментов не дают надежных оснований связать их с какими-либо из известных мастеров, хотя, наиболее вероятно, что первый фрагмент мог

принадлежать кругу мастера Тлесона, в репертуар наиболее популярных изображений которого входили фризы с животными, в том числе с пасущимися оленями и ланями⁵⁰. Время расцвета деятельности мастерских, выпускавших мелкофигурные килики, к которым принадлежат и ольвийские фрагменты, не выходит за рамки 30-х гг. VI в. до н. э. И, наконец, третий фрагмент чернофигурного сосуда (рис. 6, б) с изображением, скорее всего, мужской фигуры, держащей копье, судя по стилю росписи, может принадлежать к концу третьей – началу последней четверти этого столетия и является одним из наиболее поздних в публикуемом керамическом комплексе.

Четвертый сосуд представлен также небольшим фрагментом стенки с изображением раскрытоого цветка лотоса, выполненного густым блестящим лаком (рис. 6, 7). Цветы лотоса и их бутоны входили в репертуар наиболее популярных растительных мотивов и характерны для изделий как ионийских, так и аттических мастерских, широко использовались в декоре открытых (тарелки, блюда) и закрытых (амфоры, ойнохойи, диносы) форм. Для сосудов ионийского производства более характерна прорисовка цветка лотоса с центральным лепестком, отделенным от двух остальных пропущенной линией, при этом все три лепестка, как правило, имеют одинаковые размеры⁵¹. Стилистические особенности пририсовки цветка лотоса с двумя тонкими боковыми лепестками, окаймляющими большой центральный, судя по всему, более характерны для живописной манеры аттических мастеров. Близкие аналогии нашему фрагменту с тонкими боковыми и широким центральным лепестком без пропущенной линии можно найти на аттической тарелке из Эгина, которые датируются еще в пределах второй четверти VI в. до н. э.⁵² Подобным образом прорисованы цветы лотоса и на килике мастерской Сиана из Берлина⁵³.

Обнаружены также фрагменты низкой кольцевой ножки чернолаковой или, скорее всего, чернофигурной аттической чаши, акцентированной полосой пурпур при переходе к вместилищу (рис. 6, 8). Аналогии чашам такой формы по материалам Афинской агоры датируются в пределах последней четверти VI в. до н. э.⁵⁴

Простая столовая посуда представлена также монохромной сероглиняной керамикой с залощеной поверхностью разных оттенков – от темно-серого до почти черного. Четыре фрагмента, в том числе археологически целая форма, принадлежат мискам с загнутым внутрь краем (рис. 7, б, рис. 8, 1–3), один (рис. 8, 4) – имеет вертикальный, слегка сужающийся во внутрь край. Один фрагмент принадлежит кувшину (рис. 8, 5) с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком и двумя продольными каннелюрами у основания горла. Все эти формы хорошо известны в керамическом комплексе Ольвии позднеархаического времени. К более редким, но также известным формам принадлежат фрагментированная двустольная ручка ойнохойи (рис. 8, б) и венчик кратера (рис. 8, 7). Придонные части закрытых сосудов на кольцевых поддонах (рис. 8, 8, 9), судя по форме, также, скорее всего, принадлежали кувшинам или кратерам. Все найденные в углублении фрагменты сероизвестковых сосудов относятся к категории наиболее массовых находок в Ольвии и на поселениях ее сельской округи, начиная от второй половины VI в. до н. э., имея характерный, и, можно уже считать,

устойчивый для ольвийского керамического комплекса набор морфологических признаков⁵⁵.

Керамика специального назначения представлена двумя фрагментированными арибаллами коринфского производства. Первый сосуд (рис. 6, 1-3) является археологически целой формой, на котором, несмотря на фрагментарность изображения, видны характерные по своей манере прорисовки бутона лотоса удлиненной формы и фрагмент бокового цветка в виде ромба с косой сеткой, а также вихревая розетка по круглому дну, прорисованная с использованием техники гравировки. От второго сосуда (рис. 5, 7) сохранился только сегмент широкого венчика, украшенного концентрическими полосами. Скорее всего, принадлежал тому же типу шаровидной формы, что и первый сосуд. Арибаллы с зеркально расположенными четырьмя цветами и бутонами лотосов являлись широко распространенным видом коринфской керамической продукции, характерной практически для всего VI в. до н. э. и известны как по находкам в самом Коринфе⁵⁶, так и по всему Средиземноморью⁵⁷. В Причерноморском регионе находки подобных сосудов также хорошо известны, в частности в Истрии⁵⁸, есть они и в Северном Причерноморье⁵⁹, причем немало целых форм второй половины VI в. до н. э. (конца позднекоринфского I и начала II периодов), происходит из некрополя Ольвии. Сосуды, стилистически наиболее близкие публикуемому нами, судя по совместным находкам с расписной восточногреческой и аттической керамикой, могут быть уверенно датированы в пределах третьей четверти VI в. до н. э.⁶⁰. Сосуды того же типа известны также и в некрополе, и культурных слоях Борисфена⁶¹.

К сосудам хозяйственного назначения относятся фрагментированные лутерии (мортарии). Археологически целый сосуд (рис. 7, 4) имеет неглубокое вместилище, плоский кольцевой поддон, округлый, отогнутый наружу край. Второй сосуд (рис. 7, 5) представлен двумя фрагментами, имевшими по внешней стенке удлиненный, подпрямоугольной формы край, и кольцевым поддоном. Эта форма также типична именно для второй половины этого столетия. Близкие по форме края лутерии характерны для широкого географического диапазона и найдены во многих центрах Средиземноморья, где, однако, не выходят за пределы VI в. до н. э.⁶² Известны такие мортарии и в Причерноморском регионе. Аналогичный по форме, глине и характеру внешнего покрытия сосуд известен по материалам Тиритаки, где он был отнесен к коринфской продукции⁶³. С такой атрибуцией согласился и П. Александреску, опубликовав аналогичный фрагмент мортария из Истрии⁶⁴. Однако представляется, что фрагменты ольвийского сосуда нельзя отнести к импорту Коринфа, исходя из розоватой, нетипичной для этого центра глины. Идентичные по форме лутерии известны также и в керамическом комплексе Западного теменоса Ольвии⁶⁵. Близкие по форме фрагменты таких толстостенных сосудов найдены и на поселениях ольвийской хоры позднеархаического времени⁶⁶. Лепная керамика представлена единственным небольшим фрагментом плоского dna лепного горшка.

В углублении было также найдено пять обточенных стенок аттических открытых сосудов, условно относимых к категории «вотивных кружков» (рис. 6, 9-13). Как правило, они имеют подпрямоугольную или овальную форму, затерты по краям и по центру. Их находки обычны для всех ран-

них заполнений и в массовом количестве встречаются при исследованиях полуземлянок и ям VI – первой половины V в. до н. э. Скорее всего, все кружки были изготовлены из стенок чернофигурных киликов, в т. ч. и из края сосуда стиля Band cup.

Помимо керамических фрагментов, в комплексе заполнения углубления были найдены два окисленных бронзовых дельфинчика ольвийского производства (рис. 7, 1, 2), а также бронзовый расслоившийся трехгранный черешковый наконечник стрелы, фрагмент бронзового стержня или проволоки (рис. 7, 3), бронзовая пластина и каменный растиральник. Найдены дельфинчики, наконечники стрел и мелких бронзовых изделий характерны для всех керамических комплексов Ольвии второй половины VI – V вв. до н. э.

Рассмотренный керамический комплекс углубления № 1174 из раскопок Ольвии 2002 г. представляет интерес, с одной стороны, наличием все еще редких для ранней Ольвии целых амфорных форм и сочетанием амфор разных центров производства. Набор амфор отражает динамику поступления вина из основных средиземноморских центров-производителей, среди которых безусловным лидером был Хиос.

С другой стороны, этот комплекс дает также и наглядное представление об изменениях, которые произошли в импорте столовой и парадной посуды после середины VI в. до н. э. Это и увеличение импорта из центров материевой Греции, прежде всего Афин и Коринфа, резкое уменьшение количества расписной посуды из восточногреческих центров, появление ионийской полосатой керамики, а также ставшие массовыми именно от третьей четверти VI в. до н. э. находки серогощенной столовой посуды⁶⁷. В этом отношении комплекс ольвийского углубления № 1147 дает достаточно устойчивый набор определенных, хронологически однородных сосудов, который можно использовать при уточнении хронологии как транспортных амфор, так и отдельных видов столовой керамики не только в Ольвии, но и в других северопричерноморских центрах.

¹ Крапивина В. В., Буйских А. В., Крутилов В. В. Отчет о раскопках на участке Р-25 в Ольвии в 2002 г. // НА ИА НАНУ. 2002/139. С. 57–59.

² См. подробнее об опыте изучения особенностей формирования культурных на-пластований, закрытых и открытых керамических комплексов в юго-восточной части Ольвии: Крапивина В. В. О некоторых проблемах хронологии и датировки многослой-ных памятников на примере античной Ольвии // Боспорский феномен: Проблемы хро-нологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2004. С. 67 сл.

³ Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. Vol. XXIX). 1997. Cat. Nr 857–860. Аналогичные формы хорошо известны в закрытых комплексах раннеэллинистического времени, ср.: Zolotarev M. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Stolba V., Hannestad L. (Ed.). Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC (Black Sea Studies 3). Aarchus, 2005. P. 196. Fig. 6.

⁴ Крапивина В. В., Буйских А. В., Крутилов В. В. Отчет... С. 55, 59.

⁵ Авторы выражают глубокую признательность многолетнему реставратору Ольвийской экспедиции Л. Н. Петриченко, благодаря терпению и кропотливому труду которой публикуемые сосуды получили вторую жизнь.

⁶ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 15 сл. Табл. 3.

⁷ Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. L., 1998. P. 148–149.

⁸ Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucuresti, 1957. Fig. 53a; Histria. Vol. II. Bucuresti, 1966. P. 159, 161. Pl. 21, 52; 73, 86; Лазаров М. Антични амфори (VI–I пр. н. е.) от Българското Черноморие // Изв. НМ Варна. 1973. Кн. IX (XXIV). С. 9. Табл. I. № 2–6; Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. Табл. 1, 2.

⁹ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов, 1999. С. 37 сл. Табл. 3.

¹⁰ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 3, 1, 2.

¹¹ В самой последней работе по клазоменской таре (Sezgin Y. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // Klazomenai, Teos and Abdera. Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archeological Museum of Abdera. Thessaloniki, 2004. P. 169 ff.) полной аналогии ольвийской амфоре 1975 года нет. Более или менее близкие формы клазоменской тары автор этой работы относит частью к третьей, частью к последней четвертям VI в. до. н. э. (Fig. 11–14).

¹² Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 47.

¹³ Там же был обнаружен и миниатюрный полосатый одноручный кувшинчик, однако такие сосуды не имеют узкой датировки, так как были популярны в течение практически всей второй половины этого столетия.

¹⁴ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 39 сл. Табл. 23.

¹⁵ Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. L.; N.-Y., 1998. P. 178 ff. Fig. 23, 10–12; Dupont P. La circulation amphorique en Mer Noire à l'époque archaïque. Specificites et problèmes // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 153 ff. Pl. 5–7.

¹⁶ Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 23; Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 42.

¹⁷ Κούκουλη Χρυσανθακη Χ. Αρχαιολογικόν δελτίον. Αθῆναι, 1979. ὥολ. Τ. 34. Β2 (1987). Pl. 142; Peristeri-Otatzsi C. Amphores et timbres amphoriques d'Abdere // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 491 ff. Fig. 13; Dupont P. La circulation amphorique... P. 153.

¹⁸ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... табл. 23, 1; Dupont P. La circulation amphorique... P. 156. Pl. 5–5; Nicolaou I., Empereur J.-Y. Amphores rhodiennes du musée de Nicosie // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 531. Fig. 15 (фото).

¹⁹ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 23, 2.

²⁰ Там же. Табл. 23, 4, 5.

²¹ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 37. Табл. 22.

²² См.: Скорый С. А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997. С. 88, 50. Рис. 46. (Вместе с ней обнаружена амфора фасосского круга); Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы... С. 97, 99. Табл. 29, 1; Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 22, 1.

²³ Бокий Н. М., Ольховский В. С. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. 1994. № 2. С. 155. Рис. 3, 1; Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 22, 4.

²⁴ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 22, 2, 3.

²⁵ Dimitriu S. Gartierul de locuinte din zona de Vest a cetatii in epoca arcaica // Histria. Vol. II. Bucuresti, 1966. P. 105. Pl. 56. № 548, 550.

²⁶ Рубан В. В. О хронологии красноглиняных амфор... С. 13 сл. Рис. 1.

²⁷ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы... С. 40 сл.
Табл. 5.

²⁸ Бокий Н. М., Ольховский В. С. Ранненефийский курган... С. 156. Рис. 3, 3; Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 30, 2.

²⁹ Охотников С. Б., Пасхина Е. П. Находки амфор в Черном море // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев, 1984. С. 97, 98. Рис. 2, 1; Борисфен-Березань. Начало Античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 29. № 7; Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 73. Табл. 91; Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология... Табл. 30, 1, 2, 3.

³⁰ Амфоры последней четверти VI в. до н. э., к примеру, хорошо представлены в некрополе афинского Керамика. См.: Knigge U. Der Südhügel (Kerameikos. Bd. IX). Berlin, 1976. S. 175. Taf. 46, 7.

³¹ Ibid. Taf. 51, 2; 89, 2.

³² Koehler C. G. Evidence Around the Mediterranean for Corinthian Export of Wine and Oil // The Proceedings of the Ninth Conference on Underwater Archaeology. Texas, 1978; Koehler C. G. Corinthian Developments in the Study of Trade in the Fifth Century // Hesperia. 1981. Vol. 50; Келер К. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 265 сл.

³³ Rizzo M. A. La anfore da trasporto e il commercio Etrusco archaico. Complessi tombali dall'Etruria Meridionale. Roma, 1990. Fig. 54, 344, 345. Cat. III-1; Olofsson M. S. Four Imported transport Amphorae from Acquarossa // Opacula romana. 2003. Vol. 28. P. 73. Fig. 1; Kaelen C. D. Eine Gruppe archaischer Transportamphoren aus der Ladenzeile an der Agora von Selinunt // Antiquitas. Bd 42. Bonn, 2001. S. 102 ff. Tafel 12, 1.

³⁴ Rizzo M. A. La anfore da trasporto e il commercio Etrusco archaico. Fig. 99, 100. Cat. VII, 1, 2; Knigge U. Der Südhügel (Kerameikos. Bd IX). Berlin, 1976. S. 175. Taf. 89, 2; Dimitriu S. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică (Histia II). București, 1966. Pl. 29. № 515; Dupont P. Amphores archaiques de Grèce propre en Mer Noire. Etat de la question // Il Mar Nero. T. II (1995/96). Bucuresti; Roma; Paris, 1997. P. 86; Dictionnaire des Ceramiques Antiques en Mediterranee nord-occidentale // Lattara. Vol. 6. Lattes, 1993. P. 36, 38.

³⁵ Cook R. M. Fikellura Pottery // BSA. 1936. Vol. 34. Fig. 9, 10; Cook R. M. Greek Painted Pottery. London, 1960. P. 135; Schaus G. P. Two Fikellura Vase Painters // BSA. 1986. Fig. 10; Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London, 1998. P. 78.

³⁶ Можно сравнить с манерой прорисовки розеток на амфорах из Тельль Дефенех: Walter-Karydi E. Samische Gefäße des 6. Jahrhunderts v. Chr (Samos. VI 1). Bonn, 1973. S. 47. Taf. 81; см. также: Graeve V. von. Grabung auf dem Kalabaktepe // IstMitt. 1987. Bd. 37. № 41. Taf. 11. Существует точка зрения, что разрушение египетской крепости Тельль Дефенех персами в 525 г. до н. э. дает и время прекращения импорта некоторых видов керамики стиля «фикеллура», в т. ч. и наиболее близких нашему фрагменту: Schaus G. P. Two Fikellura Vase Painters. № 1. P. 286. Скорее всего, такое предложение оправдано, поскольку в известных нам закрытых комплексах Ольвии последней четверти VI в. до н. э. находки керамики стиля «фикеллура» этой группы нам пока неизвестны.

³⁷ Καρδαρά Χ. Ροδιακή αγγειογραφία. Αθήνα, 1963. Fig. 106, 108; Walter-Karydi E. Op. cit. Taf. 73, № 527.

³⁸ Walter-Karydi E. Op. cit. Taf. 84, № 613.

³⁹ Cook R. M. A List of Clazomenian Pottery // BSA. 1933/34. Vol. 34. P. 134 ff.; Cook R. M., Dupont P. Op. cit. P. 104.

⁴⁰ Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.) (Histria IV). București, 1978. Cat. Nr 239–240; ОАК за 1902 г. С. 54; Рис. 91; Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в Античную эпоху. Л., 1979. С. 10 сл.; Сидорова Н. А. Керамика архаического периода из раскопок Пантикопея 1965–1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 158–161.

⁴¹ Cook R. M., Dupont P. Op. cit. P. 100–101.

⁴² Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии... Кат. № 92.

⁴³ Cook J. M. Old Smyrna // BSA. 1958–1959. Vol. 53–54. Pl. 4, b, c; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits II and later Deposits (BSA. Suppl. Vol. № 10). Oxf., 1973. № 602. Pl. 9; Schattner Th.G. Cerámicas jonias de Didyma y de Samos: algunos aspectos técnicos y metodológicos // Ceràmiques jònies d'època arcaica: centres de producció i comercialització al Mediterrani Occidental. Actes de la Taula Rodona celebrada a Empúries, 1999 (Monografies emporitanes 11). Barcelona, 2000. Fig. 3.

⁴⁴ Dimitriu S. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică. Pl. 30, № 569–570; Pl. 33, № 601–605; Alexandrescu P. La céramique // Alexandrescu P. (Ed.). La zone sacrée d'époque grecque (Histria VII). București, 2005. Fig. 46; C. 143–144; Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. Вып. 69. С. 167. Рис. 15; Сидорова Н. А. Керамика архаического периода... С. 162–164. Рис. 16, А, Г; Скуднова В. М. Указ. Соч. Кат. № 87; Борисфен – Березань. Начало Античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 53. № 67; С. 54. № 70; С. 60. № 82; Чистов Д. Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб., 2006. Илл. 13, 7.

⁴⁵ Ср. с ионийскими полосатыми сосудами из погребений последней четверти и конца VI в. до н. э. из ольвийского некрополя: Скуднова В. М. Указ. Соч. Кат. № 87, 254.

⁴⁶ Rhomopoulou K. Pottery Evidence from the North Aegean (8th–6th cent. B. C.) // Les céramiques da la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris – Naples, 1978. Fig. 2; Isler H. P. Samos: la ceramica archaica // Ibid. Fig. 43, 44.

⁴⁷ Schattner Th.G. Die Fundkeramik // Tuchelt K. (Hrsg.). Didyma. Teil 3. Bd. 1. Ein Kultbezirk an der Heiligen Straße von Milet nach Didyma. Mainz a. Rhein, 1996. Abb. 110. Ke 54–57.

⁴⁸ CVA. Brit. Mus. (2). Pl. 16; CVA. Pologne. Varsovie. Mus. Nat (1). Pl. 37, 1–2; Felten W. Attische schwarzfigurige und rotfigurige Keramik // Alt-Ägina. II. 1. Mainz a. Rhein, 1982. Kat. № 226–230; Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.) Cat. № 388. Pl. 44.

⁴⁹ Boardman J. Athenian Black Figure Vases. L., 1991. P. 60; CVA. Deutschland. Altenburg. (1). № 225. Taf. 38, 5–9.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Καρδαρά Χ. Op. cit. Fig. 253, 255.

⁵² Felten W. Op. cit. S. 29, Kat. № 210.

⁵³ Schauenburg K. Zu attischen Kleinmeisterschalen // AA. 1974. S. 213 f. Abb. 22.

⁵⁴ Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. (The Athenian Agora. Vol. 12). Princeton, N. Jersey, 1970. Cat. № 415.

⁵⁵ Schultze E., Magomedov B. V., Bujskich S. B. Grautonige Keramik des Unteren Buggebietes in römischer Zeit // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12. S. 295 ff.; Буйских С. Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н. э. // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 34 сл.; Крапівіна В. В. Сироглиняна кераміка Ольвії VI–V ст. до н. е. // Археологія. 2007. № 1. С. 99 сл.

⁵⁶ Stillwell A. N., Benson J. L. The Potter's Quarter. The Pottery (Corinth. Vol. XV. P. III). Princeton, 1984. Cat. № 419. Pl. 22; Pemberton E. G. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery (Corinth. Vol. XVIII. P. I). Princeton, 1989. Cat. № 253.

⁵⁷ Ure P. N. Aryballoii and Figurines from Rhitsona in Boeotia. Cambridge, 1934. P. 43–45; Boardman J. Excavations in Chios 1952–1955. Greek Emporio. Oxf., 1967. Cat. № 669. Pl. 56; Gjerstad E. Pottery from Various Parts of Cyprus // Gjerstad E. (Ed.). Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus. Stockholm, 1977. Cat. № 372–373. P. XXVIII, 6; Lo Porto F. G. Le importazioni della Grecia dell'Est in Puglia // Les céramiques da la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris – Naples, 1978. Fig. 7; Neeft K. Aegina, Aphaia-Tempel. XVI. Corinthian Alabastra and Aryballoii // AA. 1993. Kat. № 246 ff.; Dehl- von Kaenel Ch. Die ar-

chaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. Berlin, 1995. Kat. № 201–254; Kaltsas N. E. Ακάνθος. I. Αθήνα, 1998. Cat. № E 62–E 67; Freydark J. Korinthische, attische und eiheimische Keramik der archaischen und klassischen Zeit // Stupperich R. (Hrsg.). Ausgrabungen in Assos 1993 (Asia Minor Studien. Bd. 57). Bonn, 2006. Abb. 1, № 5. Taf. 14, 3. См. также по различным музейным коллекциям: CVA. Tchécoslovaquie. Façc. 1. № 80, 2; CVA. Roumanie 1 (Bucarest 1). № 9; CVA. Roumanie 2 (Bucarest 2). № 18821.

⁵⁸ Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.). Cat. № 279–282.

⁵⁹ OAK за 1902 г. С. 53. Рис. 89; Boriskovskaja S. P. On Trade Connection between the Greek Cities of the Northern Black Sea Coast and Corinth in the Archaic Period // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1967. Heft 7/8. S. 427.

⁶⁰ Малев И. Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 83 сл.; Скуднова В. М. Указ. Соч. С. 11 Кат. № 28, 67, 222.

⁶¹ Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л. Березанская археологическая экспедиция в 1982 году (предварительные итоги) // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 35. Рис. 8, 3; Борисфен – Березань. С. 75. № 121; С. 76. № 123.

⁶² Abadias X. A., Masoliver P. C., Santos M. R., Trilla J. T. Les céramiques grecques archaïques de la palaià polis d'Empòriοn // Ceràmiques jònies d'époque arcaica: centres de producció i comercialització al Mediterrani Occidental. Actes de la Taula Rodona celebrada a Empúries, 1999 (Monografies emporitanes 11). Barcelona, 2000. Fig. 38, 1–3; Kleiner G., Hommel P., Müller-Wiener W. Panionion und Melie (JdI. 23. Ergheft). Berlin, 1967. Taf. VI, VII; Schattner Th. G. Die Fundkeramik. Abb. 115 (Ke 112–113); Villing A. 'Drab Bowls' for Apolo: The Mortaria of Naucratis and Exchange in the Archaic Eastern Mediterranean // Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean. L., 2006. P. 31 ff.

⁶³ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 47. Рис. 51.

⁶⁴ Alexandrescu P. La céramique // Alexandrescu P. (Ed.). La zone sacrée d'époque grecque (Histria VII). Bucuresti, 2005. P. 357. Fig. 47 (Kat. C. 157).

⁶⁵ Крапивина В. В. Хозяйственная и кухонная керамика. Лагиносы и лутерии // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. Рис. 204, 2–3; 206, 2–3.

⁶⁶ Марченко К. К., Доманский Я. В. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени // Stratum plus. 1999. № 3. Рис. 12, 30–33.

⁶⁷ Подробнее о количественном соотношении разных категорий привозной и местной посуды в керамических комплексах VI в. до н. э. в Ольвии см.: Буйских А. В. О керамических комплексах VI в. до н. э. из Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 36–42.

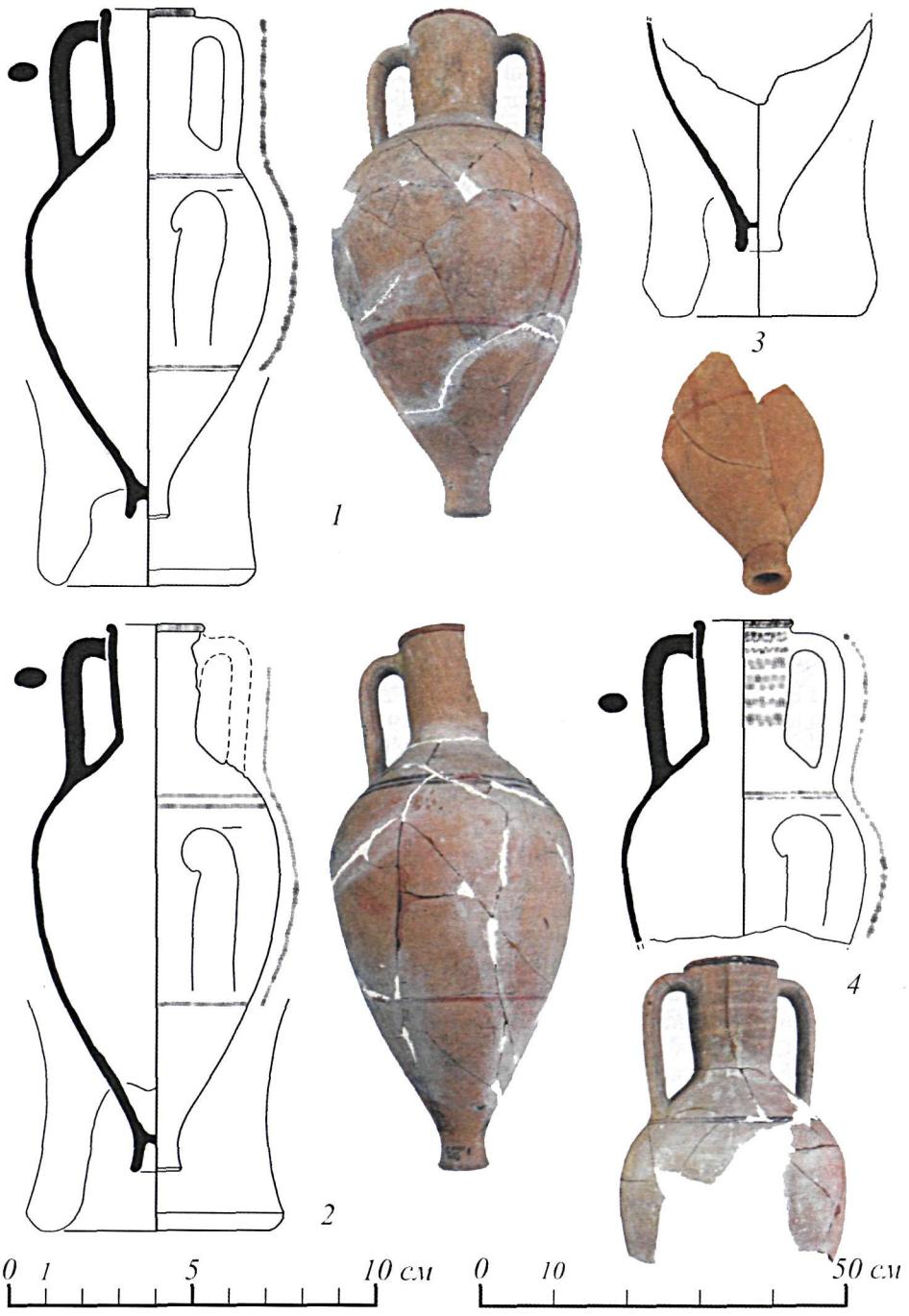

Рис. 1. Хиосские амфоры

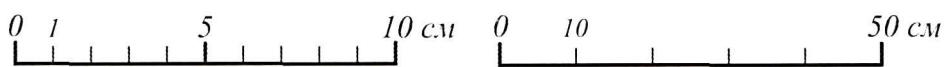
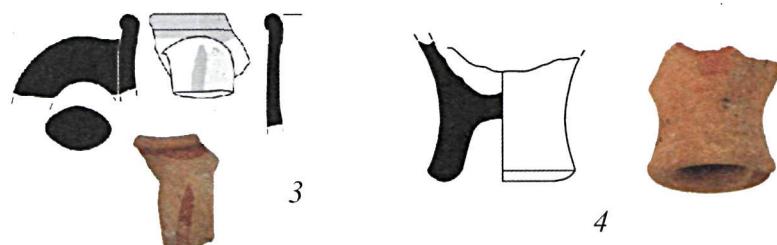
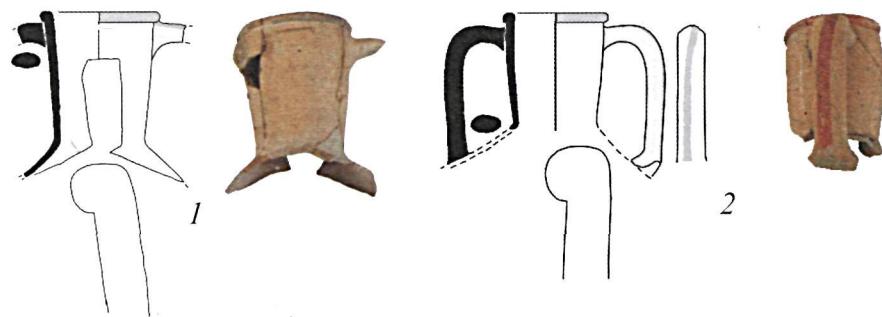

Рис. 2. Хиосские амфоры

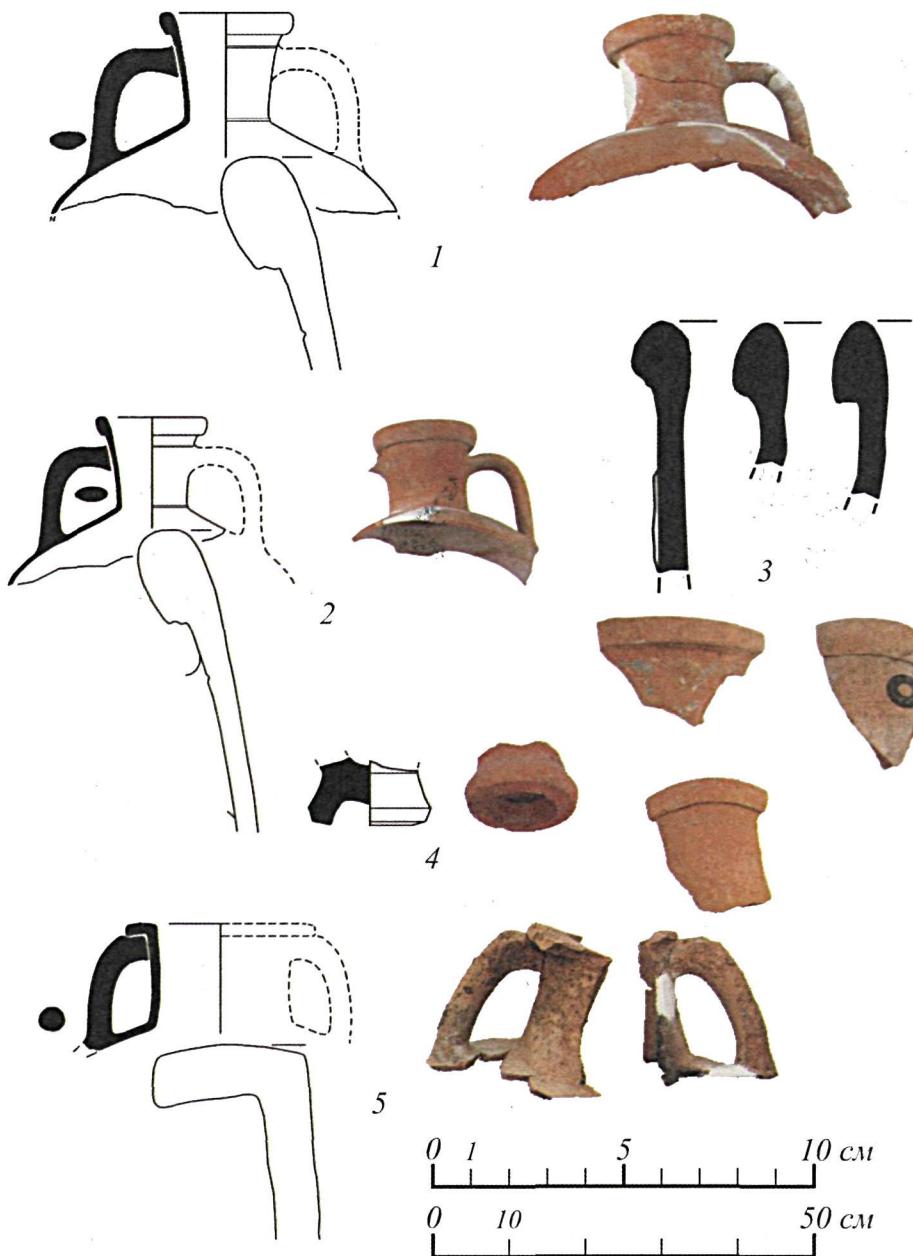

Рис. 3. «Протофасосские» (№ 1–4) и коринфская (№ 5) амфоры

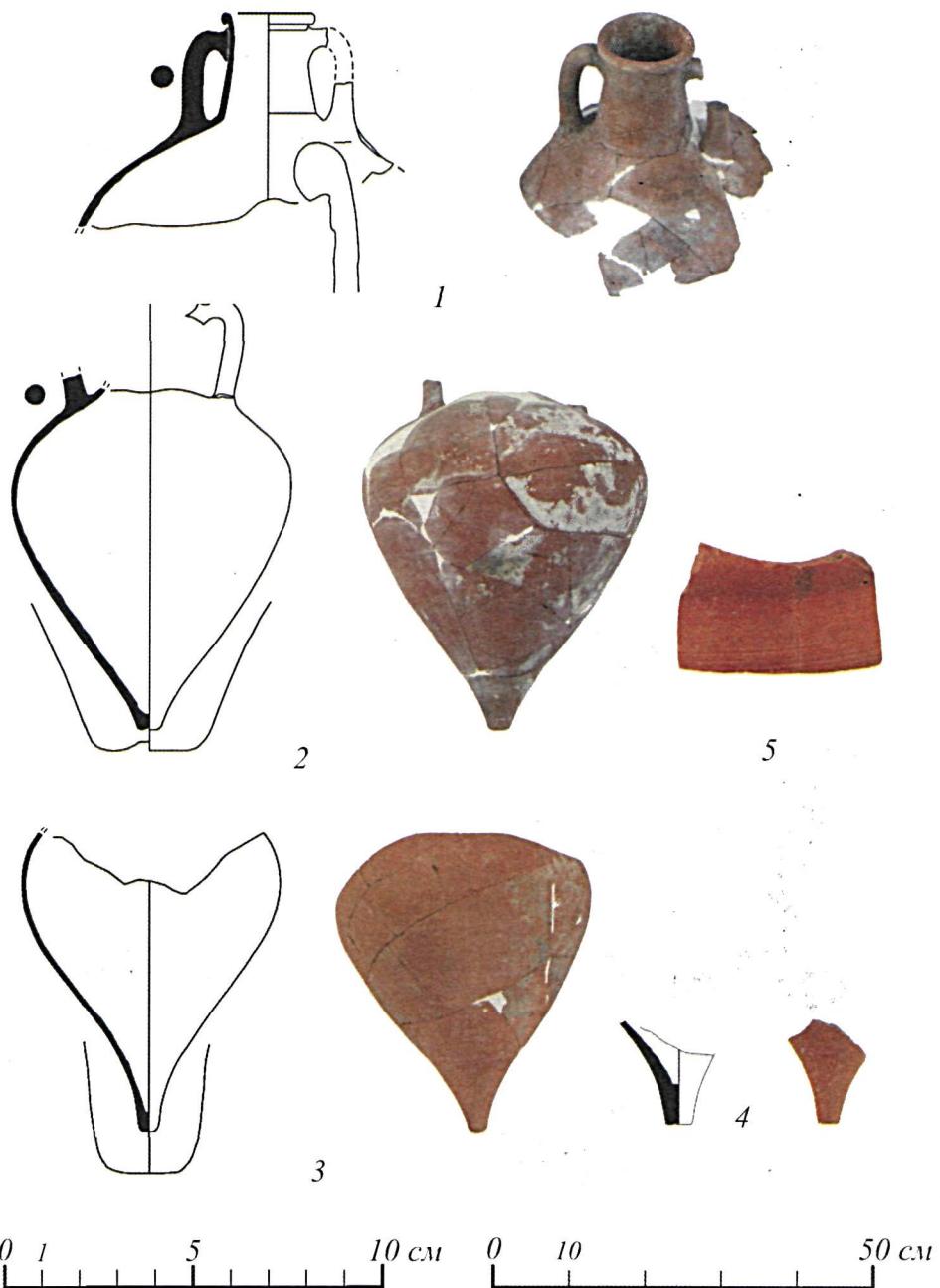

Рис. 4. Лесбосские (№ 1–4) и «аттическая» (№ 5) амфоры

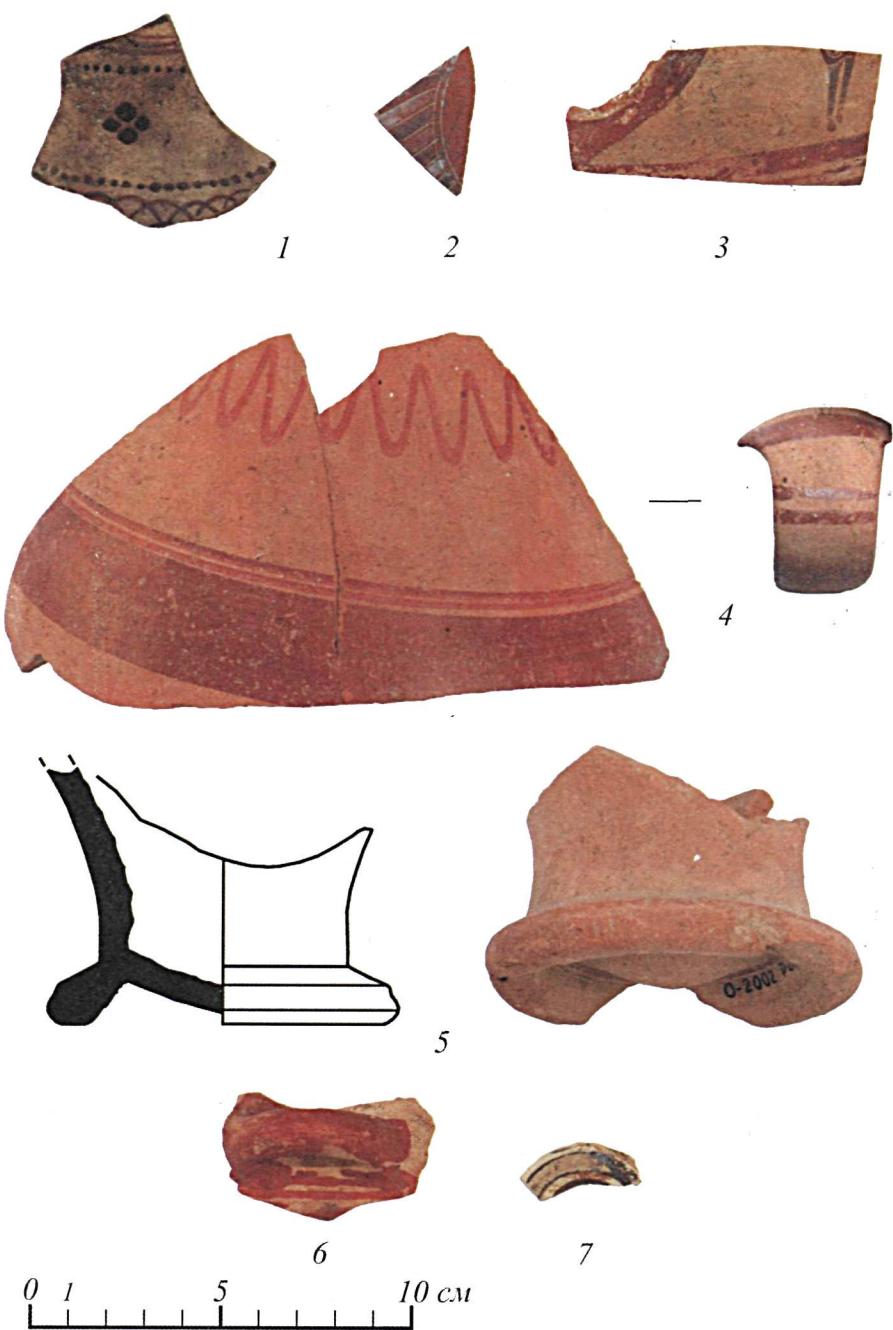

Рис. 5. Расписная керамика

Рис. 6. Расписная столовая керамика (№ 1–8), вотовные кружки (№ 9–13)

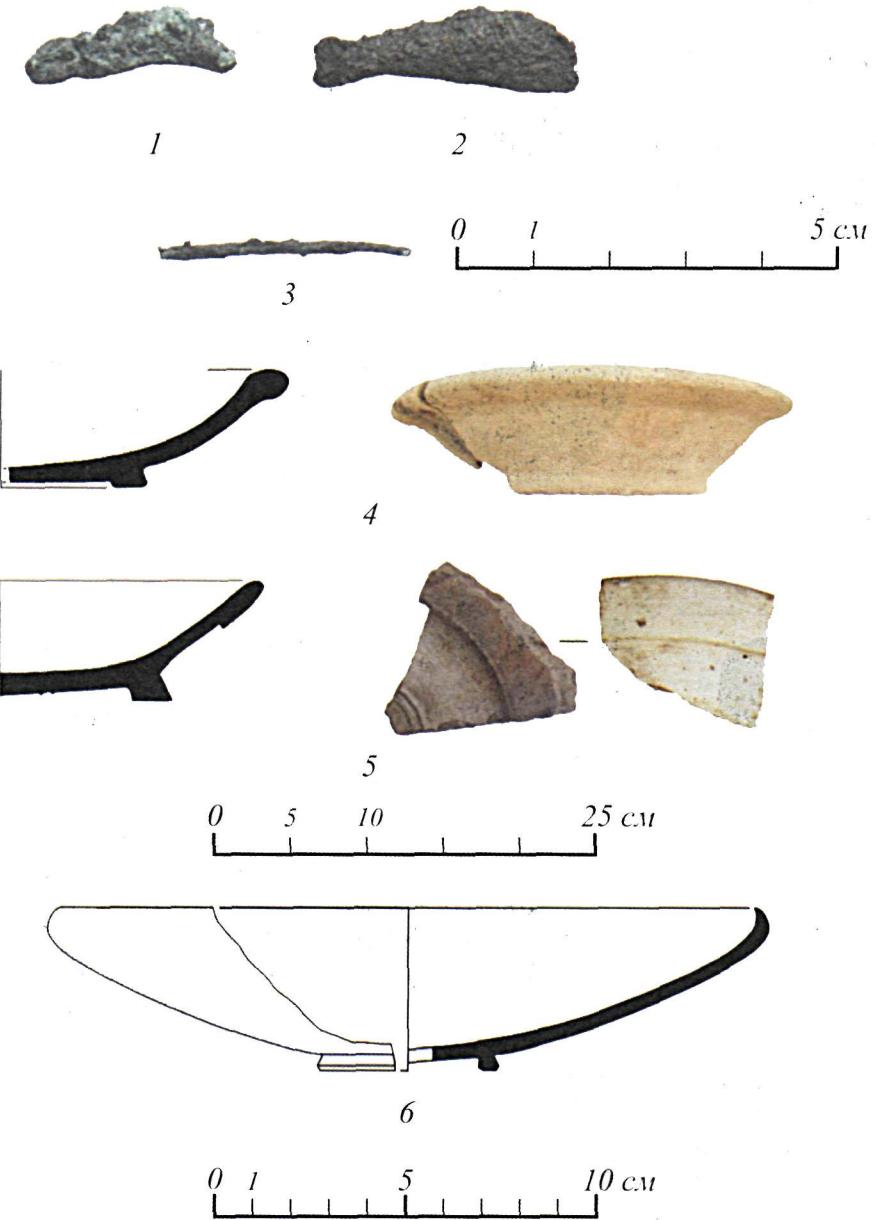

Рис. 7. Дельфинчики (№ 1–2), игла (№ 3), лутерии (№ 4–5), сереброцщеная миска (№ 6)

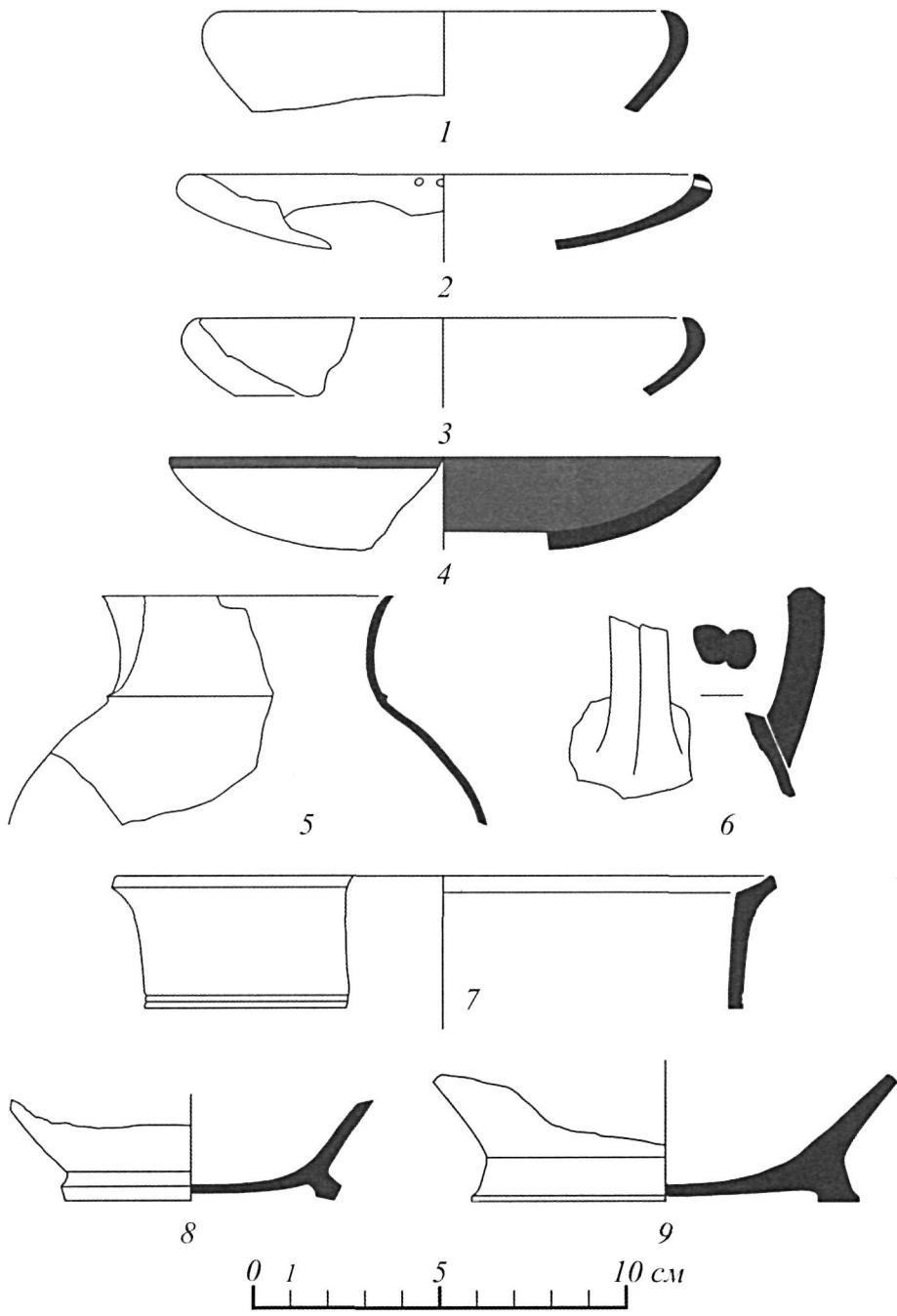

Рис. 8. Серолощеная керамика